

Гаврилов Кирилл Георгиевич

ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ ЧАСТНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПЕРИОД НЭПА КАК ПРАВОВОГО ИНСТРУМЕНТА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

В статье определяются пределы возможностей организационно-правовых форм частной предпринимательской деятельности в период Новой экономической политики в качестве одного из инструментов восстановления народного хозяйства и развития экономики. Констатируется, что возможности данного инструмента ограничивались институциональными противоречиями нэпа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 28-30. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

3. Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг., 1917.

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442.

CHURCH-PUBLIC SOCIAL SERVICE DURING PRE-REVOLUTIONARY MILITARY YEARS IN URAL

Anna Vladimirovna Vlasova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Social Disciplines
Ural Social-Economic Institute (Branch) of Academy of Labor and Social Relations
avlasova74@mail.ru

The article reveals the meaning of secular and church communities' social service in Ural during the pre-revolutionary military period, in particular, at the end of the XIXth - the beginning of the XXth centuries. The author concludes that the active position of public forces and pastoral address, material support played an important role in overcoming heavy calamities of war in the Ural region.

Key words and phrases: Ural; Russian Orthodox Church; pre-revolutionary period; charity; war; patriotism.

УДК 340.0(47)

В статье определяются пределы возможностей организационно-правовых форм частной предпринимательской деятельности в период Новой экономической политики в качестве одного из инструментов восстановления народного хозяйства и развития экономики. Констатируется, что возможности данного инструмента ограничивались институциональными противоречиями нэпа.

Ключевые слова и фразы: Новая экономическая политика; юридическое лицо; организационно-правовые формы предпринимательской деятельности; предпринимательство; экономическое развитие.

Кирилл Георгиевич Гаврилов

Кафедра истории и права

Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

kirillgeorgievich@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ ЧАСТНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПЕРИОД НЭПА КАК ПРАВОВОГО ИНСТРУМЕНТА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ[©]

В современном российском обществе развернулась активная дискуссия о путях ускоренного экономического развития национальной экономики. Для рационального применения гражданско-правовых механизмов стимулирования экономического развития необходимо изучить опыт законодательной и правоприменительной практики в период нэпа.

Новая экономическая политика началась заменой продрозверстки продовольственным налогом и разрешением розничной торговли [9]. И если первоначальной целью отступления от провозглашенных большевиками принципов была борьба за удержание власти [8, с. 192], то уже к июлю 1921 года на законодательном уровне формулируются не политические, а экономические задачи нэпа: восстановление народного хозяйства и развитие его до уровня, необходимого для перехода к социализму.

Восстановление и ускоренное развитие экономики предполагалось осуществлять путем сочетания частного и государственного капитала. По этой причине особое значение приобрела законодательная политика в области применения организационно-правовых форм коммерческих предприятий.

Сложившаяся в период нэпа система гражданско-правовых воззрений и хозяйственная практика породили ряд существенных особенностей в сфере гражданско-правового оформления частной и государственной предпринимательской деятельности. Такими особенностями являлись: рамочный характер гражданских законов, обилие противоречивых подзаконных актов, низкая правовая культура, неопределенность статуса юридического лица и его правоспособности, неопределенность понятия «предприятие».

Правовая культура юристов-законодателей формировалась под сильнейшим воздействием партийно-коммунистической идеологии и господствовавших в то время правовых теорий, преимущественно «революционной теории права» (Е. Б. Пашуканис, П. И. Стучка), утверждавшей излишность права в новом обществе, его вторичность по отношению к «правосознанию революционных масс», и «психологической» теории права (М. А. Рейснер), берущей за источник права не общечеловеческие нормы, а психологию класса-гегемона. Среди ученых господствовало мнение, что в социалистическом государстве право должно превратиться в собрание чисто технических норм [7, с. 318-321].

В сфере частного права принимались только рамочные законы. Это приводило к неурегулированности важнейших экономических отношений, росту хаоса и хозяйственных преступлений, слабой мотивированности на инновационную деятельность.

Зачастую ставка в руководстве экономикой делалась на государственное регулирование. И если в одних сферах этот метод себя оправдывал, то в других терпел фиаско.

Хозяйствующие субъекты экономического оборота не отличались ни наличием устойчивого положительного правосознания, ни высокой правовой культурой, в то время как эти качества крайне необходимы для интенсивного инновационного развития. Например, в Пензенской губернии одними из первых попыток населения открыть коммерческие предприятия на законных основаниях были просьбы легализовать производство по самогонварению [3, д. 194, л. 34 об., 43].

Многие авторы отмечают наличие в 20-е годы XX века множества фиктивных юридических лиц, процветание «черных бирж». Особенно были распространены: создание лжекооперативов с целью получения налоговых льгот, негласное участие в производстве или торговле (договор негласного товарищества не признавался в советском гражданском праве), перерегистрация предприятия перед уплатой налогов, фиктивные распродажи имущества [10, с. 32].

На начальном этапе нэпа государство с вниманием относилось к экономической деятельности следующих частнохозяйственных субъектов: сельскохозяйственных производителей необходимого городам продовольствия и торговца-посредника, который доставит хлеб в город. Предполагалось, что дело частной инициативы – это преодоление голода, а модернизационные планы будут выполнены силами государственной промышленности. Поэтому в противоречие всем достижениям правовой науки классификацию организационно-правовых форм предпринимательства проводили на основании идеологического, а не формально-правового критерия.

Исходя из идеологических предпосылок, законодатель периода нэпа старался развести понятия «кооперативное предприятие» и «частное предприятие». Но фактически различие отдельных организационных форм частнокоммерческих юридических лиц и кооперативных форм осуществлялось зачастую по одному необъективному признаку – по «капиталистическому или трудовому способу хозяйствования» [4, д. 2133, л. 36].

Нежелание законодателя употреблять классические гражданско-правовые дефиниции приводило к неурегулированности ряда правоотношений, что не могло не сказаться отрицательным образом на эффективности модернизационных усилий субъектов экономической деятельности.

Опираясь на идеологические установки, на начальном этапе нэпа были выбраны в качестве основных организационно-правовые формы концессии и аренды национализированных и муниципальных предприятий. Данные формы в отличие, например, от совладельчества или простого товарищества приветствовались и всячески поддерживались государством.

Но потенциальные инвесторы не торопились вкладывать капиталы в советскую экономику. Первый концессионный договор был заключен только во второй половине 1921 г., и к концу 1921 г. насчитывалось пять подобных сделок. Порядок заключения концессионных договоров был сложен и неодинаков для разных видов концессий. Попытки Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) и Совета Труда и Оборона (СТО) выработать систему типовых договоров не увенчались успехом в связи с быстро меняющимися конъюнктурой и государственной политикой [2, с. 44].

В целом надежды, декларируемые властями в начале нэпа, на концессию как основную и единственную форму привлечения частного капитала для восстановления народного хозяйства и модернизации передовых производств не оправдались.

Более эффективной стала организационная форма предприятия, находящегося в государственной собственности и сданного в аренду частному лицу. К 1924 году наибольшее развитие данная организационно-правовая форма получила в пищевой, кожевенной и полиграфической промышленности. По данным Самарского губернского статистического бюро, частный капитал абсолютно господствовал в пивоваренной и колбасной отраслях пищевой промышленности губернии [5, д. 1382, л. 1383]. Но полностью планы арендной кампании выполнить не удалось. В том же 1924 году констатировалось, что 21% арендных договоров был расторгнут [12]. 7 октября 1922 года ВСНХ признал, что значительную часть мелких промышленных предприятий невозможно сдать в аренду и целесообразно данные предприятия денационализировать [11, с. 1]. Арендаторы не были заинтересованы в развитии предприятий. Все значительные успехи в данном направлении были осуществлены в иных формах и иными правовыми способами.

Более эффективной формой организации частной инициативы, в том числе и в плане развития новых технологичных производств, стало совладельчество. Но особенностью совладельчества как организационно-правовой формы является институциональная неустойчивость. Поэтому и модернизационный потенциал у нее был невелик. Особенно интенсивно совладельчество развивалось в городской торговле, слабее – в деревенской, где приобрело форму совместных закупок. В период, предшествующий принятию положений Гражданского кодекса 1922 года, крупные торговые предприятия частника (почти 75%) строились на началах совладельчества [6, с. 134].

Более эффективным являлось бы разрешение привлечения частного капитала в новейшие производства в форме юридического лица. Но частникам были доступны преимущественно традиционные формы юридических лиц: полное товарищество и командитное товарищество. При всех достоинствах этих организационно-правовых форм они были пригодны преимущественно для мелкого традиционного производства или для торговли.

В изучаемый период наиболее подходящей организационной формой для модернизационных проектов признавалось акционерное общество. Но в СССР в то время непосредственное значение акционерных обществ как по числу, так и по объему деятельности было не столь велико, как на Западе. Высказывалась точка зрения, что тресты и синдикаты являются государственными «преображенными акционерными обществами» [1, с. 42-46].

Акционерная форма в нэповской России служила, главным образом, не для оформления частного капитала в гражданском обороте, а для решения модернизационных задач с помощью государственных средств.

Экономические возможности организационно-правовых форм частной предпринимательской деятельности ограничивались политической сущностью нэпа, который остался политикой временных уступок капитализму и не стал концепцией целостного развития рыночной экономики. Декларируя цели ускоренного экономического развития, государство сдерживало частную инициативу в наиболее перспективных и важных отраслях. Указанное сущностное противоречие проявилось в экономическом законодательстве периода нэпа, что снизило эффективность гражданского законодательства в качестве механизма регулирования хозяйственной деятельности.

Список литературы

1. Бахчисарайцев Х., Граве К., Эйбушитц П. Вопросы законодательства по внутренней торговле. М., 1925. 494 с.
2. Венедиктов А. В. Концессии и смешанные общества // Правовые условия торгово-промышленной деятельности в СССР. Л.: Гос. изд-во, 1924. С. 44-52.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2. Оп. 1.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-262. Оп. 10.
5. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. Р-76. Оп. 1.
6. Исаев И. А. Становление хозяйственно-правовой мысли в СССР. М.: Юрид. лит., 1986. 175 с.
7. Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России IX-XX вв. М.: Юрист, 1995. 378 с.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. 606 с.
9. О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом: Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 21 марта 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 26. Ст. 147.
10. Олейник Н. Н. Правовое регулирование частного промышленного предпринимательства в годы НЭПа (1921-1930) // История государства и права. 2001. № 5. С. 28-33.
11. Отчет Совета ВСНХ о нецензовой промышленности // Торгово-промышленная газета. 1922. № 169.
12. Реализация планов арендной компании: отчет спецкомиссии ВСНХ // Экономическая жизнь. 1924. № 275. С. 5.

**THE OPPORTUNITIES OF THE ORGANIZATIONAL-LEGAL FORMS
OF PRIVATE COMMERCIAL ENTERPRISES DURING THE PERIOD OF NEW ECONOMIC POLICY
AS THE LEGAL INSTRUMENT OF ECONOMY DEVELOPMENT**

Kirill Georgievich Gavrilo

Department of History and Law

Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinskii

kirillgeorgievich@yandex.ru

The article determines the opportunities limits of the organizational-legal forms of private entrepreneurial activity during the period of New Economic Policy as one of the instruments of national economy renewal and development. It is stated that this instrument opportunities were limited by the institutional contradictions of New Economic Policy.

Key words and phrases: New Economic Policy; legal person; organizational-legal forms of entrepreneurial activity; entrepreneurship; economic development.

УДК 94(47).084.5/6

В предлагаемой статье рассматривается кризис хлебозаготовительной кампании в Орловской губернии в 1927/28 г. Автор анализирует причины кризиса, способы его преодоления, его последующее воздействие на развитие аграрного сектора и ликвидацию рыночных отношений в деревне. В центре исследовательского интереса также оказывается мировоззренческая ломка наиболее типичных представителей анализируемых референтных групп. Делается вывод о том, что хлебозаготовительный кризис в губернии был спровоцирован властью как один из инструментов воздействия на крестьянство.

Ключевые слова и фразы: кризис хлебозаготовок; крестьянство; Орловская губерния; власть; репрессии; кулак; 107 статья УК РСФСР.

Ирина Валентиновна Гончарова

Кафедра истории России

Орловский государственный университет

snotra@orel.ru

**ЛИКВИДАЦИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕРЕВНЕ И ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ
КАМПАНИЯ 1927/1928 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)[©]**

Процесс модернизации в Советской России в силу сложившихся внутренних и внешнеполитических факторов предполагал использование в качестве источника средств ресурсы аграрного сектора. Это обусловило в конце